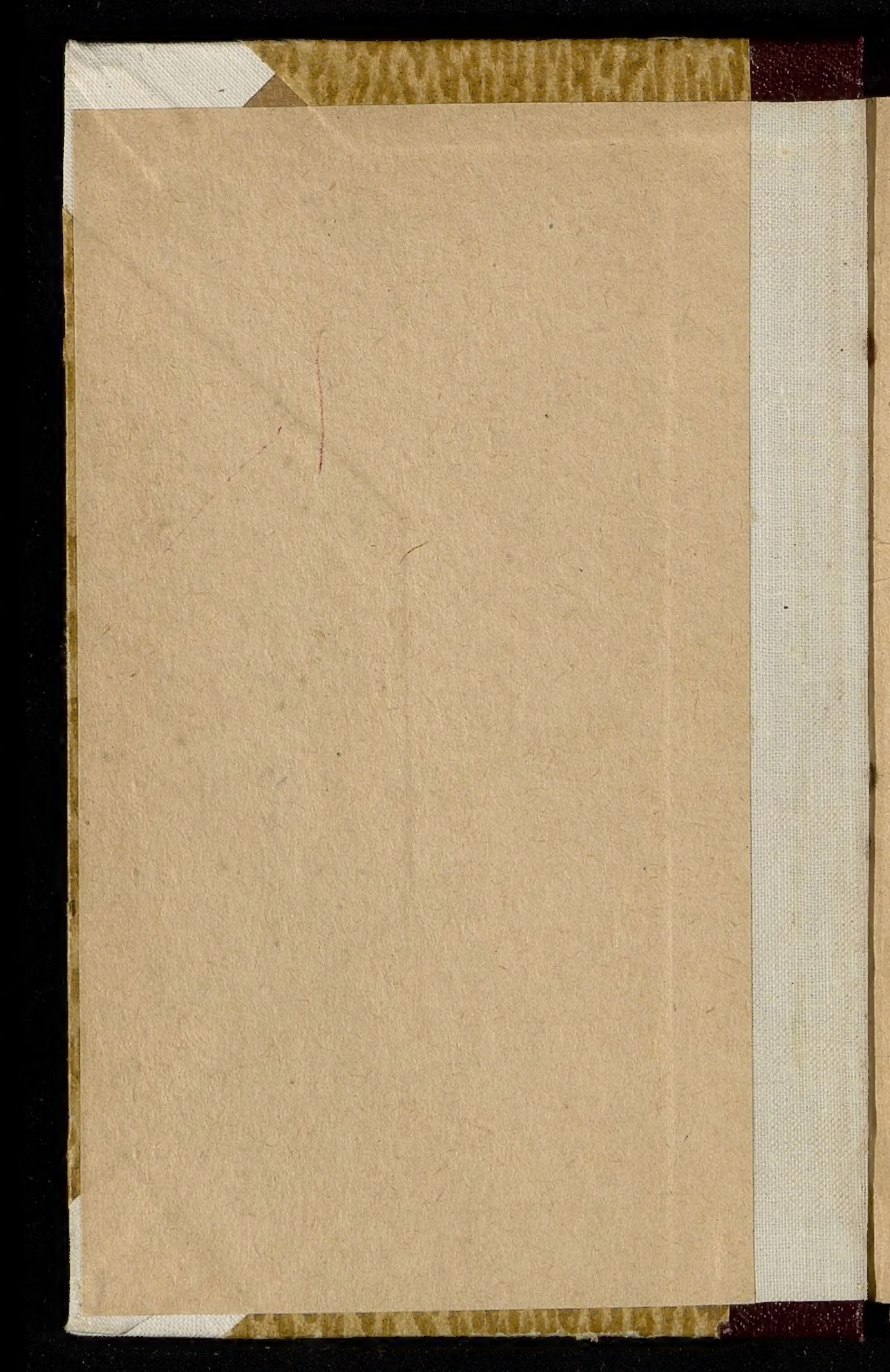

А. А. КИЗЕВЕТТЕРЪ.

О ЧЕМЪ СКАЗАНО ВЪ МАНИФЕСТѢ

17 октября
1905 года.

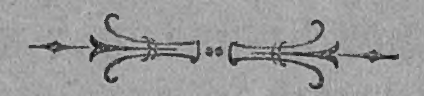
МОСКВА.
—
1905.

Цѣна 1 к.

А. А. Кизеветтеръ.

О ЧЕМЪ СКАЗАНО ВЪ МАНИФЕСТѢ

17 октября
1905 года.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1905.

О чемъ сказано въ манифестѣ 17 октября.

Манифестъ отъ 17 октября сего 1905 года полагаетъ начало *новой, лучшей жизни* для всего русскаго народа. Надо подумать надъ этимъ царскимъ словомъ, надо хорошенько понять его.

Легко ли живется русскому народу? Нѣтъ. Вездѣ, и въ городахъ и въ деревняхъ,—сколько горя, тягости, бѣдности, неправды! Сколько обидъ терпятъ многіе люди, за которыхъ некому заступиться! Одни терпѣли молча, другимъ терпѣть было не подъ силу, и они говорили громко, что надо исправить жизнь, перемѣнить порядки, составить новые законы. Многимъ жить было трудно, но кто начиналъ громко жаловаться

и требовать перемѣны порядковъ, про того говорили: «Онъ—смутьянъ, опасный человѣкъ, его надо хватать и бить, онъ противъ царя идетъ». А вотъ теперь самъ царь призналъ въ манифестѣ, что народу жить трудно. Какъ же помочь народу? Безпорядками, безчинствомъ, насиліями жизни не исправишь. При безпорядкахъ и насиліяхъ хорошо только тому, кого силы больше, а кто послабѣе и побѣднѣе, тотъ еще хуже ослабнетъ и разорится. Для того, чтобы облегчить жизнь всѣмъ и каждому, нужно установить новые законы на общую пользу. Такіе-то законы и возвѣщаетъ манифестъ отъ 17 октября.

Въ манифестѣ сказано: «даровать населенію *неприкосновенность личности*». Это значитъ, что ни-

кого, никакую личность теперь нельзя будетъ схватить, засадить подъ арестъ и держать взаперти *безъ суда*. Если кто сдѣлалъ что худое, его могутъ взять подъ арестъ, но непремѣнно въ самомъ скоромъ времени должны будутъ представить въ судъ; судъ разберетъ, виноватъ ли тотъ человѣкъ, и на виновнаго наложитъ наказаніе. Судъ будетъ правильный, при народѣ. Безъ такого суда никто, ни урядникъ, ни земскій начальникъ, ни приставъ, никакое начальство никого не будетъ имѣть права держать въ заключеніи. Это и называется *неприкосновенностью личности*.

Манифестъ даетъ еще *свободу совѣсти*. Это значитъ: пусть всякій вѣруетъ въ Бога и молится такъ, какъ его совѣсть ему скажетъ. Насильно никого нельзя

заставлять вѣрить и молиться. Ты—православный, вѣруй по-православному; другой раскольникъ, пусть молится по-своему; третій, скажемъ, еврей, и его не тронь, пусть молится, какъ хочетъ. Иные говорятъ: «Евреи—не христи, надо ихъ гнать», а забыли, что Христосъ никого не гналъ. Апостолъ Петръ хотѣлъ разъ мечомъ защитить Христа отъ невѣрующихъ въ Него, но Христосъ запретилъ и сказалъ апостолу «Вложи мечъ въ ножны».

Итакъ, пусть каждый свободно и спокойно славитъ Бога по своей совѣсти. Это и будетъ—*свобода совѣсти*

Потомъ манифестъ даетъ *свободу слова*. Это значитъ, что никому нельзя будетъ запрещать говорить при всѣхъ и писать, что думаетъ. Наболѣло у тебя

сердце, видишь ты, что богатый и сильный человѣкъ или какой-нибудь начальникъ дѣлаетъ зло, притѣсненіе, поступаетъ не по закону, хочется тебѣ громко сказать про это при народѣ или написать въ газетѣ, чтобы всѣ это узнали, чтобы посрамленъ былъ обидчикъ, или захочется обличить громко какіе-нибудь непорядки и неправильные законы,—говори и пиши смѣло, никто не можетъ тебѣ запретить. Если ты скажешь, или напишешь неправду, тотъ, на кого ты наклепалъ, можетъ жаловаться въ судъ, и судъ тебя накажетъ, а за правдивыя слова—скажешь ты ихъ или напишешь—никто тебѣ ничего сдѣлать не можетъ. Раньше было не такъ. Писать можно было только то, что позволятъ чиновники. Были особые чиновники,

которые смотрѣли за тѣмъ, что пишутъ въ газетахъ и книгахъ, и что имъ не понравится, того писать не дозволяли. Оттого-то нельзя было узнать про многія бѣдствія и нужды народа. Теперь такихъ чиновниковъ больше не будетъ. О всѣхъ нуждахъ и желаніяхъ можно будетъ писать и говорить свободно. Это и есть *свобода слова*.

Еще даетъ манифестъ *свободу собраній*. Человѣкъ не можетъ жить въ одиночку. То и дѣло людямъ бываетъ нужно собраться вмѣстѣ, чтобы потолковать про общее дѣло или чѣмъ-нибудь сообща заняться. До сихъ поръ нельзя было всегда собираться, кому и гдѣ угодно. Сойдутся люди вмѣстѣ потолковать, почитать, а то и просто попѣть молитвы. Приходитъ урядникъ или

пріставъ: «Зачѣмъ собрались? Кто позволилъ?»—Гонятъ всѣхъ вонъ, а то возьмутъ и начнутъ сажать въ холодную. Бывали такіе случаи, и собирались поэтому люди крадучись, тайкомъ. Теперь для всѣхъ будетъ *свобода собраній*. Если люди, собравшись, начнутъ буйствовать, ихъ разгонятъ, посадятъ подъ арестъ и представятъ въ судъ не за то, что они собрались, а за буйство. Собираться мирно, никому не вредя, можно будетъ всѣмъ, не спрашиваясь ни у какого начальства.

Наконецъ, манифестъ устанавливаетъ *свободу союзовъ*. Это значитъ, что всѣ, кто захочетъ, могутъ, не спрашиваясь у начальства, составлять товарищества, союзы, общества, чтобы сообща вести какое-нибудь дѣло или другъ другу помогать. И

этого раньше нельзя было дѣлать безъ дозволенія начальства.

Вотъ какія свободы устанавляетъ манифестъ 17 октября. Иные говорятъ: «Это все только для господъ, а не для простого народа». Это неправда. И въ городѣ и въ деревнѣ будутъ одни и тѣ же порядки, и въ городѣ и въ деревнѣ всѣ теперь будутъ имѣть право свободно говорить и писать о своихъ нуждахъ, молиться по своей совѣсти, собираться вмѣстѣ, вступать въ товарищества и никого нельзя будетъ безъ слѣдствія и суда схватить и лишить свободы. Если кого посадятъ подъ арестъ, то въ скоромъ времени должны будутъ представить его на судъ, который и рѣшитъ виноватъ онъ или нѣтъ.

А кто изъ чиновниковъ и начальниковъ начнетъ и впред

поступать по старымъ порядкамъ, тотъ изъ нихъ самъ долженъ будетъ отвѣчать передъ такимъ же судомъ за свое самоуправство.

Но всего этого еще не довольно. Мало ли что еще нужно передѣлать, чтобы жить стало легче. Крестьянинъ скорбитъ, что у него земли мало, у рабочаго— своя нужда: долгая работа и низкая плата. Тяжелыя подати приходится платить бѣднымъ людямъ, а съ богатыхъ берутъ гораздо меньше.

Мало грамотныхъ на Руси, мало школъ и потому мало понятія. Куда ни посмотришь, вездѣ неустройство, бѣдность, насилія.

Какъ все это измѣнить къ лучшему? Нужно установить во всемъ новые порядки, составить новые законы. Раньше законы писали чиновники въ Петербургѣ и под-

носили царю подписывать. Чиновники въ Петербургѣ не могли составлять законовъ, полезныхъ для народа, потому что не знали, какъ живетъ народъ, и не понимали народныхъ нуждъ. И вотъ царь рѣшилъ: пусть самъ народъ, всѣ, кто только ни живетъ на Руси, — и господа, и рабочіе, и крестьяне — сами выберутъ отъ себя людей, кому они вѣрятъ, — умныхъ, знающихъ и добросовѣстныхъ, и пусть тѣ, кого выберутъ, сойдутся вмѣстѣ и рѣшаютъ, какія перемѣны надо заводить въ русской землѣ. Весь народъ въ одно мѣсто собрать невозможно. Но нѣсколько сотенъ людей могутъ отовсюду пріѣхать въ столицу, на проѣздъ и прожитіе въ столицѣ будутъ имъ выданы изъ казны деньги; а кому ѣхать, это будутъ рѣшать сами

жители каждаго мѣста. Для этого будутъ устроены особыя собранія по всей Россіи, и на этихъ собраніяхъ жители подадутъ голоса о томъ, кого они хотятъ послать въ Петербургъ отъ своей мѣстности.

Съѣдутся въ столицѣ выборные отъ всего государства, ото всѣхъ сословій; разскажутъ другъ другу народныя нужды и начнутъ рѣшать, какіе законы нужны для Россіи, а какіе вредны. Это собраніе выборныхъ будетъ называться «Государственная Дума» Въ манифестѣ сказано: «установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы». Это значитъ, что помимо выборныхъ отъ населенія никакихъ законовъ издавать будетъ нельзя. Напишутъ

новый законъ, а царь, прежде чѣмъ его подписать, спроситъ у выборныхъ отъ населенія лицъ, «хорошо ли будетъ народу отъ того закона или лучше сдѣлать по-иному». И чего народные выборные не одобрятъ, того царь и не подпишетъ. Идетъ молва, что царю сдѣлали обиду. Это неправда. При новомъ порядкѣ царю будетъ легче и лучше, чѣмъ до сихъ поръ. Прежде царь не могъ узнавать, чего нужно народу. Откуда могъ онъ узнать это? Въ столицѣ его окружали только одни важные чиновники, которые не доводили до него правды про народную нужду. Царь видѣлъ, что многіе недовольны, а въ чемъ недовольство и какъ этому помочь,—не зналъ и спросить было не у кого. Насколько же пріятнѣе будетъ царю, когда выбор-

ные отъ народа сами будутъ разбирать свои нужды, и царь будетъ знать желанія народа. Новый порядокъ доставитъ царю не обиду, а облегченіе и болѣе спокойную жизнь. У англичанъ такіе порядки стоятъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ, а попрежнему есть у нихъ и король, и живетъ ихъ король при этихъ порядкахъ какъ нельзя лучше, спокойно ѣздитъ по своей странѣ, ничего не опасаясь. Если въ законахъ окажется что-либо не такъ, какъ надо, — въ отвѣтѣ не онъ, а выборные люди, которые принимаютъ новые законы.

И нужно теперь всему народу прежде всего думать о томъ, кого бы поумнѣе, поспособнѣе, подобросовѣстнѣе можно было выбрать въ Государственную Думу. Нужно, чтобы въ эту Думу попали умные, хорошіе и неподкупные люди, и

тогда они сумѣютъ завести на Руси новые порядки на истинную пользу народа. Тогда будетъ кому вспомнить про рабочую нужду и про крестьянскую бѣдность и подать бѣднымъ людямъ способы къ исправленію своей жизни. Какъ надѣлить крестьянъ землею, какъ облегчить жизнь рабочему человѣку, какъ справедливѣе разложить подати,—съ бѣдныхъ убавить, а на богатыхъ набавить,—обо всемъ этомъ будутъ думать народные выборные и обо всемъ этомъ постановятъ они новые справедливые законы.

Ничего такого не было на Руси до сего времени. И потому-то манифестъ 17 октября и полагаетъ начало новой, лучшей жизни для нашего народа.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Т-ва И. Д. СЫТИНА.

